



Нелли Воскобойник

**Коробочка
монпансье**

Нелли Воскобойник
Коробочка монпансье

«Издательские решения»

Воскобойник Н.

Коробочка монпансье / Н. Воскобойник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908291-6

Книга содержит маленькие рассказы о вещах забавных и печальных. Истории романтические и юмористические, бывшие на самом деле и придуманные для развлечения. Если читая ее вы не обнаружите, что улыбаетесь — эта книга не для вас!

ISBN 978-5-44-908291-6

© Воскобойник Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Коробочка монпансье	7
О любви	9
После бала	10
О ботанике	12
Моя свекровь	14
Крутится, вертится шар голубой...	15
Опять о розовой заре	16
Кондиционер «Баку»	17
Ты и вы	19
Об израильской военщине	20
Пишите письма	22
Быть знаменитым некрасиво	23
Как это делается	25
Обыкновенное больничное	27
О мистике	28
Размышления на Святой Земле	29
Кто бы мог подумать!	30
Доктор Рэйбен	31
О душевных ранах	33
Даже не минус	34
Крокодил по имени...	35
Инженеры	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Коробочка монпансье

Нелли Воскобойник

© Нелли Воскобойник, 2018

ISBN 978-5-4490-8291-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Предисловие

Надо признаться: сама я никаких введений, предисловий и аннотаций не читаю. И потому не рассчитываю, что кто-то из вас, мои читатели, даст себе труд вникать в то, что думает автор о собственных рассказах. Кого это может интересовать?

Тем не менее, следуя обычаям и правилам хорошего тона, несколько слов о книжке, которую вы держите в руках.

Мне хотелось предложить вам собрание пестрых глав. Полусмешных, полупечальных. Простонародных, идеальных. Небрежный плод моих забав, бессонниц, легких вдохновений, незрелых и увядших лет, ума холодных наблюдений и сердца горестных замет.

Коробочку монпансье. Ассорти. Одни сладковатые, другие кисленькие. Гладенькие и шероховатые. Зеленые и малиновые. С разным ароматом и формой.

Я даже решила не распределять рассказы по главам, как намеревалась вначале, а встряхнуть коробочку и рассыпать леденцы, как придется.

В таком подходе есть по меньшей мере два достоинства. Разнообразие не позволит соскучиться тем, кто уже читал мои рассказы и привык к их однородности. А тому, кто читает в первый раз, удастся, вероятно, выбрать для себя хотя бы несколько, которые окажутся в его вкусе.

Примите уверения, что я очень старалась вам понравиться.

Коробочка монпансье

*Отцы ели кислый виноград,
а оскоми́на на зубах у детей.*

Иезекииль

Нельзя сказать, что в детстве нам не хватало сладкого. Бабушка пекла пироги с фруктами или с повидлом. На Новый год во всех домах делались гозинаки. В кондитерской на углу Кирочной продавалась када. А в магазине «Бакалея-гастрономия» дошкольникам покупали подушечки. Кроме того, гости приносили детям нугу с орехами, и очень часто кто-нибудь одаривал горстью мятных конфет в бумажках или даже барбарисок.

Но хотелось монпансье. Это было маленькое состояние. Сама коробочка уже представляла собой имущество. В ней можно было что-нибудь хранить – например, фантики от шоколадных конфет, а особенно фольгу, в которую они были завернуты под фантиками. Ее старательно (неизвестно с какой целью) разравнивали ногтем среднего пальца, множество раз выглаживая на столе. Потом... что делать с ней потом, было непонятно. Коробочка из-под монпансье была идеальным решением.

Но я начала с конца. Вначале коробочка была закрыта. Ее нужно было рассмотреть со всех сторон. На крышке была красивая картинка. Однажды даже символ Фестиваля – цветочек с разноцветными лепестками. Прелесть! На доньшке тоже было написано интересное. Например, про сказочную Бабаевскую фабрику. Я уже была большая, умела читать и ни в каких бабаек не верила – тем занимательнее было свидетельство, что кое-какие конфетные бабайки все же существуют.

Потом коробочку открывал кто-нибудь из взрослых. Внутри было разноцветное сокровище: лепешечки разной формы и размера, обсыпанные сахаром. Сиреневые, зеленые, алые и желтенькие. Полупрозрачные и заманчивые. Выбор за мной! Можно начать со сладкой красненькой, или кисленькой желтой. Посасывать ее, переворачивая во рту и касаясь зубами то плоского, то острого края. Потом, не удержавшись, вынуть изо рта грязными пальчиками и посмотреть сквозь нее на солнце. Снова сунуть в рот и долго облизывать липкие пальцы сладким языком, что не делало их ни чище, ни менее липкими. А в коробочке еще много разного, и чем меньше остается, тем лучше и звонче она гремит, если потряхивать ее в такт какой-нибудь мелодии, или просто так, из озорства.

Потом я стала взрослой, и монпансье исчезли из моей жизни. И всё хотелось объяснить внукам, что это была за радость – да где уж мне! Я и слов-то таких не знаю на иврите, а они на русском.

Пока я не увидела в магазине коробочку. Круглую, жестяную, а на крышке клубничка с двумя листиками. Я, конечно, принесла ее своей маленькой внучке.

Внутри оказались совершенно одинаковые синие таблетки размером с пуговицу от пальто и толщиной с полсантиметра. Вместо восхитительного разнообразия – казенный порядок. Что-то вроде полупрозрачных шашек.

Моя девочка смотрела на них без воодушевления, но все же, поддавшись моим поощрениям, сунула одну в рот. Что-то отвлекло ее в этот момент, она сделала глотательное движение, и отвратительная стеклянная блямба неудержимо проскользнула внутрь.

Это было ужасно! Больно и страшно. И бесконечно долго... Может быть, около часу прошло, пока эта дрянь растворилась и утихли острая боль и спазмы. И еще час, пока мы все немного успокоились и убедились, что малышка может глотать, что слезки просохли и с нашей жизнью не случилось ничего ужасного.

Еще через час моя маленькая Мисс Деликатность сказала мне: «Наверное, эти конфеты были хорошие, просто я не умела их правильно сосать».

Я осталась ночевать у них. Руки уже не тряслись, но за руль садиться все же не стоило. Лежала на узкой кровати в кабинете у моей дочери и думала, что, может, не надо Пушкина, свекольника и маленькой елочки, которой холодно зимой... Моцарта, балета и кубика Рубика... Может, оставить им те радости, которые нравятся им самим...

Ничего мне не помогло! Инстинкт сильнее логики. Утро мы начали с «Мухи-Цокотухи». Я читала как будто в первый раз:

«Зубы острые в самое сердце вонзает

И кровь из нее выпивает...»

Ужас! Почтище тех гадких леденцов!

О любви

Я влюбилась в своего однокурсника. Он был прекрасен. Его звали Вова. Он был так необыкновенно умен! Те задачи, которые требовали от меня серьезного умственного напряжения, он решал играючи. А те, что он решал с трудом, я вообще не могла раскусить.

Он так глубоко и интересно говорил на семинарах по философии! Разумеется, и я не молчала, но с моей стороны это был сплошной выпендрож, а он мыслил...

Я звонила ему домой, чтобы узнать, что задано по английскому, и его мама отвечала мне недовольным голосом. Но я снова звонила, чтобы выяснить, на когда назначен зачет по дифференциальным уравнениям.

Мы жили недалеко друг от друга и ездили в университет одним и тем же автобусом. Вся жизнь моя была сосредоточена на том, едем ли мы вместе. А если да, то заметил ли он меня. А если заметил, то протиснулся ли ко мне. А потом – сумела ли я ответить беззаботно и остроумно. И подал ли он мне руку, чтобы помочь выйти из автобуса.

Постепенно мы стали и возвращаться вместе. Наступили теплые дни, и мы возвращались пешком и всю дорогу говорили обо всем. В основном о нем. Он был шахматистом. Его папа оказался профессором математики, и у него был младший брат, которого он очень любил. Я плохо играла в шахматы, и он был заметно разочарован.

Однажды мы вечером возвращались пешком из библиотеки, и он предложил мне передохнуть на скамеечке в парке над Курой. Мы сели, и он меня поцеловал.

От него резко пахло табаком, и шрамы от заживших юношеских прыщей царапали мне лицо, но я была желанна – и совершенно, немислимо счастлива.

Он еще два раза приглашал меня на свидания. Мокрые вонючие поцелуи были ничтожной платой за то, как он смотрел на меня и как вздрагивал его голос, когда он называл мое имя.

Потом он уехал на майские праздники в Ереван, а когда вернулся, сказал мне, что наши отношения были ошибкой. Я пожала плечами, отвернулась и ушла домой одна.

Дома я заползла под одеяло и лежала там, скорчившись и слушая свои стоны. Мое разбитое сердце безумно колотилось, и осколки его царапали что-то внутри, мешая дышать. Тело мое хотело выжить, но душа – душа хотела умереть! Через пару часов душа перевесила, я добралась до аптечки и проглотила все снотворные, которых там было больше чем достаточно.

Однако в тот раз мое тело, не принимавшее участия в этой любви, все-таки победило! Когда родители пришли домой, оно сумело проснуться на секунду и наябедничать им о деяниях моей беспутной души. Дальше была неотложка, больница, промывание желудка и прочие неинтересные подробности.

Я проснулась ночью – у меня сильно болело горло от толстого шланга, который в меня засунули, не особенно церемонясь. Но душа болела намного меньше. А совесть – совесть вообще не тревожила меня! Я ни разу не подумала о моих бедных родителях. Мои страдания были так огромны по сравнению с их мелкими неприятностями!

* * *

Теперь моя жизнь расстилается передо мной, как пейзаж прелестного Беллотто. Всё, что могло в ней быть хорошего, уже было, и я могу разглядывать и сравнивать. Картинка выглядит привлекательно, в ней есть всё, что нужно: семья, друзья, книги, свадьбы, смех, радость, защиты, покупки, путешествия, подарки...

И отдельный пик бессмысленного счастья, когда чужой, неприятный человек смотрел мне в глаза и дрожащим голосом повторял мое имя.

После бала

Когда-то в молодости я была влюблена в своего однокурсника. Очень недолго мы составляли пару, в самом платоническом смысле этого понятия. Потом и эта связь распалась, а скоро Вова уехал в Москву – перевелся на физический факультет МГУ. Через пару месяцев я перестала тосковать, но не перестала вспоминать.

Потом меня познакомили слевой. Он был голубоглазым теоретиком, невысоким и очень красивым. Его губы всегда были чуть тронуты ироническим изгибом, в старости предвещавшим еврейское саркастическое выражение лица. Но до старости Лева не дожил, а в двадцать восемь он был так хорош, остроумен и обаятелен, что я искренне удивлялась его вниманию ко мне. Сама я казалась себе замухрышкой (а может, и была ею на самом деле). Наша свадьба сговорилась очень быстро. Не о чем было, собственно, и рассуждать. Мы подходили друг другу по всем формальным и неформальным параметрам. Вдобавок ко всему Лева и влюбился в меня.

Мы провели чудеснейший медовый месяц в Москве, сдобренный лучшими московскими спектаклями семьдесят четвертого года. Билеты на эти спектакли мы получили в качестве свадебного подарка. Лучшего из всех подарков!

Возвратившись, мы втянулись в будничную жизнь, которая оказалась в сто раз более приятной и интересной, чем мне виделось перед свадьбой.

Я была уверена, что Лева наилучший кандидат, но сам институт брака казался мне тусклым и безрадостным. На деле всё оказалось много веселее.

Однажды, возвращаясь полубегом домой с работы, я встретила нашу соседку тетю Варю. Ее сын учился в параллельном со мной классе, и она, в отличие от моей мамы, которая нетвердо знала, на каком этаже я учусь, – была председателем школьного родительского комитета. Активность ее, как и любовь к сыну-лоботрясу, не знала пределов. Время от времени она просила меня позаниматься с ним по какому-нибудь предмету, что я выполняла без напряжения – Эраст был довольно-таки симпатичным бездельником.

Увидев меня, тетя Варя резко остановилась. Я была намерена ее обогнуть, чтобы вовремя подать обед новенькому, с иголки, мужу. Но тетя Варя стояла как скала. Она собиралась сказать мне что-то важное, и по ее лицу было видно, что мне этого не миновать.

– Нелленька! – сказала тетя Варя твердо. – Отчего ты после свадьбы не расцвела?!

Я постаралась не хихикнуть.

– Ну, что вы, тетя Варя, – сказала я, – я расцвела. Просто это незаметно.

Она кивнула и пропустила меня.

Потом было много всякого. Родились и подросли дети, Лева защитил свою диссертацию, и моя поспевала к сроку, но тут Советский Союз довольно неожиданно стал разваливаться, и как раз начиная с города Тбилиси. И мы уехали в Израиль, где, поерзав немного, пристроились в группу физиков онкологического отделения иерусалимской больницы «Хадасса». Через год меня как малоопытного физика отправили на курс повышения квалификации, который Европейское общество радиотерапии устраивает несколько раз в году в разных городах Европы. Любопытство побудило меня выбрать Москву.

Прошло двадцать пять лет после нашего свадебного путешествия. К тому же я думала, что синхронный перевод лекций на русский поможет мне понять тонкости, которые я упустила по-английски.

На самом деле по-русски я не поняла вообще ничего! Вся терминология оказалась мне незнакома. Я забросила наушники и, морщась и напрягаясь, слушала лекции, лучшие из которых читались с сильнейшим французским акцентом на богатом английском, расцвеченном

анекдотами и цитатами из неведомых мне стихов и прозы. Хорошо, что на экране были картинки со скупым текстом! Курс был очень хорошим.

После лекций выступали московские врачи и физики со своими докладами. Один из них поразил меня.

Я спросила после доклада, как статистически соотносятся результаты их методов с результатами контрольной группы, облученной классически. Дама посмотрела на меня неприязненно.

– А не нужно никаких контрольных групп, – сказала она, – все выздоровели!

Я раскрыла было рот, чтобы что-то возразить. Потом поняла, что относительно мира, в котором я работаю, эта дама в зазеркалье, и беседовать нам невозможно. Поблагодарила и отошла...

Свободным вечером я набрала номер справочной и узнала телефон Вовы, который так и жил в Москве все эти годы. Он ответил мне. Сразу узнал, и даже предложил встретиться и поговорить. И мы встретились.

Да... Самое обидное было не то, что он изменился, а то, что остался таким, как был. Он был молчалив и загадочен, как в двадцать лет. И невыносимо, невыносимо скучен...

И что побудило меня среди всех моих сверстников выбрать для своей первой любви именно его? И страдать от разлуки с ним так мучительно? И даже чуть не умереть от любви?

О ботанике

На первом курсе я была совершенно невероятным типом. Не пила спиртного, не танцевала твиста, не любила «Битлз», не носила джинсы и не знала неприличных слов. С другой стороны, я любила Чосера, советскую власть, русские оперы и запах масляной краски. То есть представляла собой классически безупречный тип ботаника.

Единственное, что позволило мне выжить на факультете без особенного дискомфорта, была моя горячая и взаимная дружба со звездой физического факультета, блестящей, одаренной, уверенной в себе и поголовно всеми любимой Ольгой М. Она была моей полной противоположностью: свободно владела грузинским, не ведала застенчивости и не сомневалась в своей привлекательности.

Я училась вполне прилично и находилась внутри облачка лучших факультетских мальчиков, окружавших Ольгу и невольно составивших круг моего общения. Однако с моим положением чудака-чужака надо было что-то делать. И я, как остальные нормальные ребята и девочки, записалась на альпиниаду.

Речь шла о восхождении на минимальную, но уже альпинистскую вершину класса 1Б, ежегодно организуемом университетским клубом альпинистов. Каждому принятому участнику выдали подходящее снаряжение: рюкзаки, спальные мешки, палатки, а самое главное – трикони. Если кто не в курсе, это такие чудовищные ботинки, снизу имеющие железные шипы, чтобы не поскользнуться, а сверху совершенно негнущуюся кожу, чтобы камень, отскочивший из-под ноги впереди идущего, не раздробил стопу.

Нам подробнейшим образом и не по одному разу объяснили, как себя вести в разных возможных ситуациях, несколько раз показали, как раскладывать и собирать палатки, а для полных дебилов даже продемонстрировали наглядно, как залезать в спальный мешок, а потом вылезать из него и скручивать его в тугий цилиндр, который можно запихнуть обратно в рюкзак.

В должный день несколько автобусов отвезли нас – человек двести студентов, сорок-пятьдесят альпинистов, присматривающих за салагами, и все оборудование – в горы и высадили у нижнего лагеря, представляющего собой очень большой сарай с дощатым полом. Там мы переночевали на полу в спальниках, намереваясь утром после завтрака совершить марш-бросок к верхнему лагерю, который следовало разбить у самого подножья покоряемой горы.

Поздним вечером к нижнему лагерю подошла еще одна маленькая группа альпинистов из России. Один из них бросил свой мешок рядом с моим, деловито открыл молнию моего и засунул туда свою руку. Я поняла, на что он намекает, хотя прежде еще никто не домогался моего тела, даже не взглянув на лицо. Да и вообще не домогался. Секс не входил в сферу моих интересов – смотри еще раз название рассказа. Но даже будь я безумно влюблена в этого неведомого туриста неясного возраста, изнывай я от желания, секс немытого тела был абсолютно невозможен, и я изгнала его руку из своего спальника. Он не возражал, переложил мешок к одной из тех, что пришла с ним, и я заснула, не дожидаясь продолжения банкета.

К верхнему лагерю надо было идти с рюкзаками двенадцать километров в гору по полному склону. Нечего и говорить, что рюкзаки собирали с учетом возможностей туристов. Всё общее разделили между мальчиками, а самое тяжелое взяли альпинисты. Их поклажа была невообразимой. Девочкам достались только их личные вещи, по несколько банок консервов и вода на дорогу.

Дорога была прекрасна: лес с поющими птицами, прозрачный синий воздух, пахнущий хвоей, рекой и радостью, горы со снежными прожилками, ручьи, пробирающиеся между камнями... Ничего этого я не помню. На каждом преодоленном метре мне надо было поднять и опустить левую ногу в трехкилограммовом ботинке, а потом и правую, такого же веса.

Кеды лежали в рюкзаке, я могла бы переобуться, но рюкзак забрал кто-то из мальчиков, обогнавших нас с Ольгой, уже на втором километре. Мой вид не оставлял сомнений. Вероятно, такое же выражение тупого отчаяния было на лицах французов, отступающих из России после Березины.

Ольге тоже было тяжело, но она что-то говорила, подбадривала, шутила, и мы после двух привалов добрались до ровной площадки, на которой был запланирован верхний лагерь. Кто-то разбил палатки, возможно, и я что-то делала, но дух мой лежал в изнеможении с закрытыми глазами и отказывался верить, что до теплой ванны и мягкой постели остается еще шесть дней.

Трое суток нам было дано на адаптацию. Я действительно вернулась в сознание и поняла, что вокруг очень красиво. Но холод, боль в мышцах, недосып (как можно было не просыпаться в тесной палатке на четверых каждый раз, когда кто-нибудь или я сама пытались поменять позу?), жирные алюминиевые миски, которые после еды мы полоскали в ледяной речке, ужасная неловкость от отправления естественных надобностей на каменной осыпи в присутствии других девочек и ужас перед предстоящим восхождением оставляли красоту за границей восприятия.

Что говорить? – я не дошла до вершины. Меня оставили в безопасном месте и велели дожидаться, пока заберут на обратном пути. Несколько часов я пролежала на спине, глядя в синее небо, ласкаемая солнышком и совершенно счастливая. На обратном пути меня забрали, и мы все вместе (наконец-то единение свершилось) с гиканьем спустились, скользя по осыпям, переполненные восторгом и любовью друг к другу.

По дороге к нижнему лагерю я сменила трикони на кеды и сполна расплатилась за это дома, когда ногти больших пальцев, травмированных о камни, слезли и я вынуждена была ходить на лекции в каких-то разношенных маминых тапочках без каблучков.

Мне было восемнадцать лет. Теперь мне – ну, сами знаете сколько. И я думаю, что сегодня я дошла бы, куда дошли остальные.

То, что в первой молодости кажется окончательным «не могу», в ранней старости называется: «Трудно, но можно, если нужно».

Нет, точно вам говорю – дошла бы!

Моя свекровь

Я так рада, что вы уже пришли к нам сегодня! Кушайте, кушайте! На сладкое я испекла наполеон, вы увидите, мой наполеон – это что-то необыкновенное! Я уже думала, что он никогда не женится!

Он такой хороший мальчик, мой Любик! Он получал только одни пятерки! Ну наконец-то он нашел себе девушку!

Он уже почти защитил диссертацию! И мы с вами встретились! Такие приличные родители! Он очень хороший мальчик, он всегда помогал мне носить сумки с базара! Его так уважают на работе... а я всё боялась, что он женится на шиксе!

Вдруг он мне говорит: «Мама, я познакомился с одной девушкой». Я сразу спросила: она еврейка? Ну, слава Богу, что еврейка!

Он говорит: «Она такая интеллигентная!» А я ему: мне не надо, чтоб была интеллигентная, подумаешь! Главное, чтобы была еврейка!

А Любик говорит: «Она такая милая!» Все они милые, пока молодые, вы же знаете!

Он мне говорит: «Хорошенькая!» А, пустяки, хорошенькая, не хорошенькая... Ну пусть будет хорошенькая! Лишь бы не гойка!

Любик говорит: «Она столько всего знает!» Мне надо, чтобы она столько знала?

Нелличка! Что с тобой, золотко? Почему ты плачешь? Я же так счастлива, что Любик женится именно на тебе!

Крутится, вертится шар голубой...

Наша жизнь, как катехизис, может быть исчерпывающе описана в вопросах и ответах. Или даже не надо ответов...

Отчего ты плачешь? У тебя болит ушко? Опять ушко? Ты помнишь, как хорошо помогает подушечка с нагретой солью? Подержишь сама?

Что ты кушала сегодня в детском саду?

Тебе понравилось в школе? На какую парту тебя посадили?

Что значит «дядя самых честных правил»?

Гасконцы – они родом из Армении? Тогда почему Дартаньян?

Тебя назначили председателем совета дружины? Ах, не назначили, а выбрали? И, конечно, единогласно? По-другому и не бывает...

На выпускной вечер надо сшить платье? Давай сошьем не белое – ты же не невеста, а такое, беловато-розовое, хорошо?

А почему на физический факультет?

В каком случае изолированная особая точка $a \neq \infty$ является полюсом порядка m для функции $f(z)$?

Ты ее любишь? Как же ее не любить? Ее все любят. А ты думаешь, она выйдет именно за тебя?

Лаборатория физики новых и перспективных материалов? И прямо в университете?? И хочу ли я???

Выйти замуж? Не слишком романтично, да? «Давай поженимся, а если не получится, то разведемся!» Но ты меня любишь? Ну, давай, что ли?

Отчего ты плачешь? У тебя болит ушко? Я растолку таблеточку с капелькой варенья, ты ведь проглотишь, моя умница?

Что ты кушал сегодня в детском саду?

Вы знаете, что сейчас произойдет? Если вы не прекратите драться на заднем сиденье, папа остановит машину и выставит вас на шоссе. Может, ограничьтесь вербальными сражениями? И не так громко?

Кого король-отец из двух прекрасных дочерей готовит под венец?

Ты попрощалась с Алиной? Сказала ей, что мы уезжаем навсегда? Но вы будете писать друг другу письма, ведь вы обе уже умеете писать?

Есть ли Бог? Ты думаешь, я должна знать?

А что нам делать с розовой зарей над холодеющими небесами?

Вы поженитесь осенью?

Отчего ты плачешь? У тебя болит ушко? Ты ведь любишь это сладенькое розовое лекарство в трубочке? А что ты кушала сегодня в детском саду?..

Ну и так далее... Закончился двадцатый век, уже и двадцать первый не в самом начале, а всё так же неизвестно, есть ли Бог, армянин ли Дартаньян и что нам, черт побери, делать с этой розовой зарей.

Опять о розовой заре

Сначала анекдот, который я получила на днях в подарок от друга. Священник объясняет пастве, какова святость девы Марии. «Вот видите, – говорит он, – в первом ряду сидит Долорес. Мы все знаем, что она целомудренна и добродетельна, заботится о стариках и раздает милостыню бедным, всегда приветлива и смиренна, ухаживает за прокаженными и до рассвета молится за грешников. Так вот, по сравнению с девой Марией наша Долорес – грязная шлюха!»

Это я к вопросу о прекрасном.

В Лувре мы слевой решили ходить порознь, чтобы не спорить – всего ведь за несколько часов не помотришь. Я ходила, куда хотела, останавливалась, где вздумается и на столько, сколько мне было нужно. Никто меня не торопил. И все было хорошо, пока я не добралась до зала Гольбейна.

Я, конечно, знала эти портреты, но в тот момент они меня поразили. И мне стало необходимо показать их Леве и, заглянув ему в лицо, убедиться, что он чувствует то же самое. И дальше было то же. Как только я видела что-нибудь особенно волнующее, особенно прекрасное – мне нечего было с этим делать, как только показать Леве. А его рядом не было. Когда мы встретились, мы потащили друг друга к самым замечательным картинам и тут только получили полное удовлетворение.

По существу, все знают, что нам делать с розовой зарей. Ее надо показать кому-нибудь важному для нас. И бессмертные стихи туда же. Неразделенное наслаждение прекрасным – как Долорес против девы Марии.

Вкусом еще можно наслаждаться в одиночку. Но знатоки предпочитают пить тонкие вина в компании понимающих сотрапезников. Театральное действие остро нуждается в том, чтобы восторг или негодование сообщить спутнику, хоть прикоснувшись пальцем, хоть обменявшись взглядом.

Читать, конечно, приходится в одиночку. Но такие книги, как «Камасутра книжника» или «Особенно Ломбардия», нестерпимо хочется цитировать. (И в лучшие годы своей жизни я для этой цели была неоднократно разбужена.) Или по крайней мере требовать от близких, чтобы они прочли и восхитились.

Боже! Каких только банальностей не напишешь иной раз...

Кондиционер «Баку»

Услышав по телевизору от Звиада Гамсахурдия, что евреи в Грузии гости (дорогие гости, надо признать), и пережив девятое апреля, мы слевой поняли, что нам пора собираться домой.

Начался всеми пройденный, изматывающий душу и тело период выдиранья корней из родной почвы и забрасывания вслепую семян будущей жизни куда-нибудь на просторы прошлой и будущей исторической Родины. Всем памятный анекдот из того времени: двое разговаривают на улице, третий подходит и замечает: «Не знаю, о чем вы говорите, но ехать надо!»

Никому не нужно описывать томительное ожидание конверта с приглашением от «родственников» из Израиля, унижения ОВИРа, безумные многодневные очереди на Малой Ордынке, тяжелое хамство отупевших от бесконечной сверхнагрузки израильских чиновников, переговоры на работе, объяснения в школах, письма от уже уехавших с описанием их жизни и рекомендациями везти в Израиль спички и половые тряпки, нездоровый интерес соседей к оставляемым склянкам и прочие прелести того последнего года...

Но у каждого есть своя собственная история продажи имущества и покупки всего того, на что в Израиле в первые годы жизни денег быть не могло.

Мы продали свою квартиру и ездили за покупками в Азербайджан. Там во всех придорожных поселках оживленно и совершенно открыто торговали из-под полы импортной одеждой и обувью. Говорливые продавщицы или, может быть, жены хозяев магазинчиков, закатывая глаза, превозносили не только качество своих товаров, но и неслыханную красоту примеряющих их дам. Нам с невесткой довелось услышать там, что некий джемпер так украшает наши фигуры, что лучшие подруги, увидев его, умрут от зависти, и много другого столь же лестного и тягучего. И обращались к нам почтительно – ханум!

Сложнее обстояло дело с покупкой мебели и электротоваров. Все это потом еще требовало титанических усилий по упаковке в специальные громадные деревянные ящики и проталкиванию через таможеню. Причем таможенники были опасны не тем, что найдут какую-нибудь контрабанду, а тем, что недружественно нарушат безупречность упаковки, и диван или телевизор дойдут до места назначения в виде щепок и осколков. Но нравилось нам это или нет, мы все этим занимались по шестнадцать часов в сутки.

Однажды в жаркий июльский день Лева вернулся домой измученный сильнее, чем обычно, снял промокшую рубашку и, не имея сил зайти в душ, свалился на диван. В этот момент позвонил мой папа, напрягавший все свои многочисленные связи, чтобы помочь нам купить к отъезду необходимые вещи. Ему удалось договориться, что Лева подъедет к какому-то магазину, и ему продадут с заднего хода кондиционер «Баку». Эту чудовищную дуру Лева погрузит в свой «Запорожец», и нам в Израиле будет обеспечена чудодейственная прохлада.

Кондиционер, конечно, был необходим, но сил не было никаких. Лева жестами дал мне понять, что не сдвинется с места ни при каком раскладе, и я объяснила обиженному папе, что мы от кондиционера начисто отказываемся.

Через десять минут позвонил мой брат, который должен был уезжать на месяц позже нас, и восторженно сообщил, что папа достал ему кондиционер «Баку», но за ним надо ехать в дальний магазин, и он ужасно тяжелый. Поэтому он просит, чтобы Лева подбросил его на своем «Запорожце» и заодно помог бы погрузить и разгрузить эту неподъемную, но необходимую штуквину.

Тбилисец может отказаться от кондиционера, от денег и даже от Царствия Небесного, но он не может отказаться помочь брату жены; и Лева, надев чистую рубашку и в сдержанных выражениях объяснив свое отношение к электротоварам в целом и к этому конкретному в частности, поплелся выполнять свой семейный долг...

Стоит добавить, что когда багаж прибыл в Ашдод, обе наши семьи жили на съемных квартирах, оборудованных израильскими кондиционерами. Установить «Баку» было некуда, хранить негде, а оплачивать его содержание на складе и вообще безумно. Так что мы просто не забрали его из порта, и он и по сей день, вероятно, томится где-нибудь, погребенный под тысячами тонн багажа, отправленного, но не востребованного такими же шлимазлами, какими были мы с моим мужем и братом.

Ты и вы

*Сухое вы сердечным ты
Она, обмолвясь, заменила...*

А.С.П.

В японском языке местоимение второго лица имеет одиннадцать форм. От самого грубого «ты» (босьяк, мерзавец, ничтожество) до самого почтительного «вы» по отношению к пожилому господину или к высшему начальству. Да что говорить про японцев? У них даже «я» можно сказать тринадцатью разными способами – от «я, беспомощная тихоня» до «я, хозяин и господин, и посмейте только пикнуть!!»

Англичане обращаются на «вы» ко всем подряд, даже к малолетнему преступнику и к драной кошке.

По-русски мы употребляем и «ты», и «вы». Уже годам к пяти воспитанный ребенок обращается к взрослым как следует. Обязательное «вы» принадлежит учителям, старшим, кроме ближайших родственников, и незнакомым людям. Есть даже ритуал перехода от «вы» на «ты».

Однажды в третьем классе мы все были приглашены на день рождения к одной девочке. Она была баптисткой и обращалась на «вы» к своим родителям. Нас не на шутку потрясла такая невиданная грамматическая форма взаимоотношения с родной мамой.

В школьные годы приятно удивило, когда новый учитель физики сказал «вы» не всему классу в целом, а отдельному ученику.

В университете все преподаватели были с нами на «вы», и «ты» было лестным знаком личного знакомства. Доставалось оно только мальчикам, удостоившимся выпивать в приватной компании с молодыми преподавателями. Никто из них, разумеется, не отвечал подобной же фамильярностью.

Русский язык еще довольно церемонный. Иврит вообще не знает никаких фокусов. «Ты» говорим и ребенку, и старику, и учителю, и сантехнику, и премьер-министру. В ходу детские имена и школьные прозвища: Биби, Рафуль, Арик... (Есть только два исключения – к почтенному раввину и к судье обращаются в третьем лице: «Уважаемый судья позволит мне представить эти документы суду?»; «Почтенный рав соблаговолит принять приглашение на мою свадьбу?»)

И наши дети-подростки, даже хорошо владеющие русским, совершенно не умеют говорить «вы» одному человеку. По их мнению, «вы» – это по крайней мере двое.

И взрослые русскоговорящие сильно опростились и переходят на «ты» без должных церемоний. Даже я...

Осталось совсем немного близких, почти родных людей, с которыми я и сейчас на «вы». Как же я теперь ценю это архаичное эксклюзивное дружеское почтительное множественное число!

Об израильской военщине (Негероическая симфония)

Я ехала домой с работы. Пошел дождик. Сумерки... Моя машина стала как-то нехорошо подпрыгивать, прихрамывать и заваливаться на одну сторону. Я остановилась поглядеть и увидела отвратительное зрелище: крышка не то что была проколота – она была разодрана в клочья, и машина опиралась на обод колеса.

Я стояла на безлюдном шоссе на Территориях¹ под дождем, и воспоминание о солнце безжалостно уходило за горизонт.

Те из вас, у кого есть хоть какой-нибудь опыт реальной жизни, сразу догадались, что телефон мой в эту минуту пискнул и отключился – что поделаешь, зарядное устройство надо было поменять, но как-то не случилось.

Я стояла на обочине и прикидывала, как Господь вытащит меня из этой ситуации – больше рассчитывать было особенно не на кого. Останавливать арабские машины что-то не хотелось, а отличать их от наших как-то не получалось. Да и не ездил в это время почти никто...

Вдруг я увидела патрульную машину пограничников – едет себе зеленый джип с двумя солдатами. Я замахала руками, остановила их и попросила телефон.

Они вылезли, осмотрелись, и один сказал: «Зачем тебе, гверет², телефон? Мы тебе в два счета колесо меняем. Запаска есть?»

Один улегся в лужу, второй добыл ему из багажника запаску и домкрат, и в десять минут мой фордик снова был готов...

Я лепетала какие-то благословения и благодарности. Ребята на них слабо реагировали – махнули рукой и поехали дальше по своим пограничным делам.

Надо – придется – сказать, что пограничники у нас считаются (и являются) людьми грубыми, brutальными и чуждыми сантиментов. Самые способные, блестящие, отважные и физически подготовленные идут в летчики, коммандос, «мистаарвим» и всякие спецвойска, у которых мы и названий не знаем. Просто одаренные – в разведку, занимаются там разными компьютерными делами, а после армии открывают свои стартапы, куда берут исключительно знакомых ребят из своей части. Остальные – в основную армию: пехота, танки, флот (небольшой такой потешный флот, как у Петра Первого в его ранней юности). И уж совсем остальные попадают в пограничники. Не очень приятная и престижная служба. У нас ведь граница практически везде...

По этому поводу еще одна история.

Я везла немолодого приятеля – гостя из Европы – из Маале-Адумим в Тель-Авив. Был исход субботы. Туалет на бензоколонке был еще закрыт, а плотность движения на шоссе была уже как в будние дни. Перед блокпостом стояла длинная очередь. Мы ползли в трехрядной колонне других машин, и я чувствовала, как отдаляется встреча моего друга с туалетом, и мои духовные страдания по этому поводу, вероятно, не уступали его физическим. На заставе шла напряженная работа. Машины выезжали из А-Тур прямо к обыску и проверке документов, проезжали из Маале-Адумим и Эль-Азари, появились грузовики и автобусы...

МАГАВникам³ было не до меня. Однако мне было не до ближневосточной политики. Я остановилась возле сержанта, который велел мне проезжать, и сказала: «Послушай! У меня в машине больной турист. Ему надо в туалет. Помоги, а?»

¹ Бывшие иорданские территории с преимущественно арабским и недружественным населением.

² Вежливое обращение к даме.

³ МАГАВ – пограничные войска.

Он наметанным глазом оглядел моего гостя и сказал: «Ладно, останови там на площадке, где проверяют, и отведи его в нашу уборную – тут за углом, третья дверь налево!»

Я остановила и отвела. И пока поджидала своего счастливого гостя, думала, что по нынешним временам эти ребята каждую минуту ожидают психа с ножом, которого надо будет пристрелить на месте, пока он не зарезал кого-нибудь. И отвечают за то, чтобы какой-нибудь ловкач не перегнал в Иерусалим машину взрывчатки. И приглядывают за документами, чтобы шустрый активист Хамаса не оказался там, где ему не положено. И что в такой ситуации любой солдат в мире послал бы нас подальше вместе с нашими потребностями. А этот парнишка пожалел.

Израильская военщина на минутку перестала бряцать оружием и сделала доброе дело старому еврею в его трудную минуту.

Пишите письма

Хэйанские дамы были изысканны и скромны, но не целомудренны. Мужчина не долго томился у запертых дверей, если был изящен, хорошо воспитан, одет со вкусом и писал недурные стихи.

А бывало и так: он тайком проник в усадьбу ее отца и прокрался в ее комнату. И даже прилег на ее циновку. И тут уже поздно разбираться, хорошо ли воспитан и со вкусом ли одет! Поднимать шум с ее стороны было бы бестактно и неженственно. Могли бы услышать служанки. Да и сам кавалер понял бы, что ошибся адресом. Так что в такой ситуации можно было только шепотом отнекиваться, а потом утирать глаза рукавом ночной одежды.

Он мог продолжать навещать ее по ночам, и тогда утром третьей ночи матушка или доверенная фрейлина подавали молодым красиво уложенные бело-розовые печенья, и их брак считался заключенным. А мог и прекратить свои посещения и перенести внимание на других дам. Что, впрочем, было возможно и после совместного вкушения брачных пирожных.

А вот что он обязан был сделать, покинув даму, – это отправить ей немедленно одно или, лучше, несколько писем с сожалением об утренней разлуке. И если письмо было кратко или небрежно – она была глубоко и навеки оскорблена и обесчещена. И тогда даже младшие служанки ходили по дому с отсыревшими от слез рукавами.

Быть знаменитым некрасиво

Я с детства ужасно стесняюсь знаменитостей. Дед моей ближайшей подруги был президентом Академии Наук, и я избегала встреч с ним всеми доступными мне способами. А когда это не удавалось, я от смущения краснела, глупела и почти немела. Он был очаровательный человек, с дореволюционным гимназическим воспитанием, приветливый и задумчивый. Отчего я не беседовала с ним – в свободные минуты он был вполне готов поболтать с подружками любимых внучек – сама не понимаю. Упущенного не воротишь...

На днях меня познакомили с великим Гришей Брускиным. Племянница его представила нас друг другу и сказала ему (совершенно справедливо): «Нелли очень нравятся твои картины». И что, вы думаете, я ответила? Что было бы наиболее естественно? Поговорить о его великолепных панно? Сказать, что я взволнована нашим знакомством? Просто поблагодарить за удовольствие, которое получаю от его скульптур и прозы? Ну, нет! Единственное, что я смогла выдать, это что мне его живопись нравится не больше, чем всему остальному человечеству. Оригинально, да? Он призадумался, пытаясь вникнуть в смысл этой нелепицы, пожал мне руку и вернулся к своим знакомым.

Любопытно, что произойдет, когда знаменитым станет мой хороший приятель, почти друг. Это случится в начале июля. И пусть не обижается, если окажется, что я не могу смотреть ему в лицо и отвечаю невпопад с предельной бестактностью... Но это так, попутно. Просто обрисовываю свою психологическую слабину.

Может, ею объясняется мое полное равнодушие к автографам. Я никогда не прошу авторов надписывать мне свои книги. Иногда они даже обижаются.

Однако и у меня в жизни была история, когда я долго надоедала одной знаменитости. Дело было так.

Пару лет назад знаменитый сатирик Ш. написал что-то смешное. Его обвинили в клевете, и суд присудил ему штраф в миллион рублей в пользу пострадавшего, которого он назвал неучем. И правильно, кстати, назвал. Еще довольно мягко.

Как бы там ни было, рубли тогда были не такие, как сейчас, и Ш. светило полное обнищание, если не что похуже. Как-то очень быстро сформировалась идея заплатить штраф в складчину, силами добровольцев. Причем осужденный отказался принимать взносы больше 1000 рублей. Заодно получился и референдум, который должен был собрать в пользу его правоты не меньше тысячи голосов. И я, конечно, не смогла устоять.

Однако российская банковская система не лыком шита, и перевести деньги на указанный счет мне не удавалось. По ходу борьбы я связалась с должником через фейсбук. Мы некоторое время перекликались, и я даже стала ему френдом, но 30 долларов оставались у меня, а долг – у него.

А тут грянули гастроли в Израиле, и я предложила передать ему мой взнос на концерте. Мы сговорились, что акт передачи состоится в антракте, когда он будет торговать в фойе своими книгами. В перерыве концерта я подошла к столу и, преодолевая смущение (см. выше), представилась и отдала конверт с деньгами.

Концерт был очень хороший. Дома, еще улыбаясь, я открыла сумочку и с ужасом и изумлением обнаружила конверт с купюрами внутри. Кошмар! Что же я отдала ему?! За что он меня так долго благодарил? И чего ради я не купила «Потерпевшего Гольдинера», в смущении убежав от книжек и продавца?! И это после многомесячного рассосоливания подробностей моего бескорыстного и щедрого пожертвования... Я сгорала от стыда.

Наутро я написала ему чистосердечное признание. Написать я могу хоть Папе Римскому, это мне не трудно. Реакция Ш. была замечательной – он обрадовался. «Так это ваша ошибка? Очень рад! А я думал, что это я, растяпа, потерял!»

Не буду описывать деталей, но мне удалось-таки засунуть свои тридцать долларов в жадную пасть российского правосудия. Для этого я поехала к тетушке Ш., живущей в Иерусалиме. Познакомилась с очаровательной дружелюбной одинокой старой дамой. Выпила с нею чаю, посмотрела фотографии ее бабушек в овальных рамках, послушала истории о детских проказах ее племянников и оставила у нее правильный конверт с правильными деньгами. Как говорили в моем детстве – все тридцать три удовольствия...

Как это делается

Обычно рассказы, которые я пишу, взяты из жизни – так уж сложилось, ничего путного выдумать не могу. Но все-таки они не документальные репортажи. Немножко изменяю антураж, диалоги собственной выпечки, чуть заостряю типы, иногда свожу вместе в один сюжет разные случаи, которые происходили в разное время. Короче – я в своем авторском праве!

То, что расскажу сейчас, будет абсолютной правдой. Произошло только вчера, помню каждое слово.

Дело было так.

К доктору М. пришла пациентка. Прелестная ашкеназская дама восьмидесяти лет. Из Афулы – не ближний свет! У дамы медленно развивающийся рак груди. Он ее не очень беспокоит, но метастазы в мозгу вызывают боли, тошноту, и вообще не на пользу...

Еще несколько лет назад мы бы лечили ее облучением всего мозга – дает хорошие результаты, метастазы перестают беспокоить и новые в мозгу некоторое время не возникают, но... Что ни говори, а ум от этого острее не становится. Коэффициент интеллекта немного падает, память немного ухудшается, острота восприятия немного тупеет. А дама – умница! Обаятельная, и живая, и остроумная. И доктор М. решает по новейшей методике облучить ей только сами метастазы, не затрагивая остального мозга. Дело это очень деликатное, требует величайшей точности СТ и MRI отличного качества. Не говоря уж о тонком планировании лечения и сложном и прихотливом процессе самого облучения.

Но есть один нюанс: наша пациентка оглохла в возрасте двух лет. И теперь нормально слышит только благодаря аппарату, вживленному под кожу пониже уха. А существенной частью этого аппарата является железное колечко. А с ферромагнетиком внутри, сами понимаете, MRI сделать невозможно. Потому что основой сканнера является магнит неопишуемой силы. Он притягивает все железное так, что когда кретин-уборщик, который в своем рвении навести чистоту проник через все преграды, вошел в экранированную комнату, – его тележка сорвалась с места, пролетела по воздуху и со всей дури вломила в аппарат, полностью разрушив его и сама превратившись в лепешку. Уборщик остался жив только благодаря покровительству ангелов-хранителей, густо напичкавших своим присутствием все корпуса нашей больницы.

То есть, чтобы сделать необходимый MRI, нашей пациентке надо удалить железяку. Значит, организовать операцию со всей командой, потом комнату восстановления после наркоза. Потом СТ. Потом MRI. Дальше материалы попадут к двум врачам, которые договорятся между собой, какие именно районы мозга будем облучать, и всё аккуратно нарисуют. И не думайте, что для них договориться об этом так же просто, как двум литературным критикам договориться, хорош ли новый роман Сорокина.

Дальше всё переходит к физикам, и ко мне в частности. Мы вдвоем за два часа делаем очень непростую программу. Потом для верности проводим измерения и убеждаемся, что на практике получим в точности то, что запланировано. Потом передаем все данные на ускоритель. Теперь, в шесть вечера, техники, которые на работе с семи часов утра, могут вызвать больную. Но – упс! – не могут: она в операционной, ей вживляют слуховой аппарат. Потому что отоларингологи утверждают, что его нужно вернуть в очень короткое время. Иначе он окажется непригодным, и придется заказывать новый.

Теперь мы ждем все вместе: родня старушки – две дочери и внук, симпатичный рыжий парень в шортах и кипе; доктор М., у которого сегодня, как на грех, день рождения; два физика и два техника. Семь часов вечера. Мы все от усталости уже сидим сторбившись и болтаем о пустяках.

Подходит старый араб в галабии, с женой в длинном пальто и хиджабе. Спрашивает о чем-то. Внук внезапно отвечает на хорошем арабском. Ага, понятно, скорее всего офицер из элитных частей – они арабский знают отлично. Доктор М. неожиданно тоже вмешивается в разговор. Он говорит по-арабски с запинкой, зато лучше знает географию больницы. Арабы ушли удовлетворенные.

Наконец больную привозят из операционной. Мы укладываем ее со всем тщанием. В десять глаз следим за точностью лечения – мы все так устали. Еще восемьдесят минут, и все метастазы уничтожены.

А мне еще час ехать домой. На автопилоте...

Обыкновенное больничное

Способностями меня Господь не наделил. Не рукодельница. Или там спроворить торт с лебединым озером и замком Лорелей – это не про меня. Хотя одна моя подруга молодости делала поразительные ландшафтные торты и учила меня, как на яйце вылеплять из сахарного теста лебединую спинку, и как делать шейку, и красный клюв, и маленькие круглые глупые глазки. Торты ее были невероятно вкусны, однако так красивы, что есть их было мучительно – грубо уничтожить еще один кусочек дивной картинки... Но это так, отступление.

Мне не удастся множество вещей, доступных другим. Не умею шить оригинальные шторы. Всю жизнь бесплодно учу английский. Ни фасон платья измыслить, ни интерьер комнаты облагородить...

Но одна способность у меня есть – все-таки и моя фея не дремала. Я могу по доступной половинке телефонного разговора восстановить неслышную мне часть. Понять (или хотя бы правдоподобно вообразить) драму, которая происходит между двумя людьми.

И вот сижу я, погруженная в работу. Думаю. Стараюсь сосредоточиться и отключиться от окружающей болтовни. Но уши – не глаза. Для них перепонки не придумано. Поэтому я слышу напряженный телефонный разговор.

По эту сторону – мой молодой друг, человек легкий, мягкий, дружелюбный и обаятельный, доктор от бога Илья Софер. А по ту сторону – ответственный за онкологическое отделение. Его забота – палаты, медсестры, лекарства, пациенты: и те, которые выпишутся с явным улучшением, и те, которые уйдут из больницы в последний путь, в сопровождении «хевра кадиша». Незавидная должность. Никто и не завидует. Назначают всех старших врачей по очереди.

Илья говорит мягко, как обычно, но я слышу в его голосе непривычную мне настойчивость.

– Ну и что ты хочешь? – спрашивает он собеседника. – У больного излечимая болезнь, и он не должен умереть от рака. Каковы бы ни были обстоятельства, он должен пять недель получать облучение. Да, конечно, я знаю, что ему восемьдесят семь лет. Как я могу не знать? Я его врач. Но это же не причина, чтобы мы его не вылечили, разве нет? Да, он нуждается в госпитализации. Кто виноват, судьба так распорядилась – он упал и сломал таз. И не может ездить на облучения из дома. Но рак его излечим, и он от него не умрет. Да, я помню, что во время ортопедической операции у него был сердечный приступ. Я ведь не кардиолог. Они делают, что следует. Нас с тобой это не касается. Я говорил с ними, облучение не противопоказано. Конечно, я понимаю, что мест нет, но что же делать? – договорись с другим отделением: он будет лежать на другом этаже, а наши врачи и сестры будут его лечить. Дело обыкновенное. Конечно, сестрам неудобно. Много лишней беготни. Но что ты можешь предложить? Без облучения он умрет от рака.

Голос Ильи неожиданно крепнет и звучит уже как металл:

– Курабельный больной *не может* умереть от рака. У нас с тобой нет выбора. Прости, Амир, я, кажется, был резок, но ты понимаешь... Куда едешь в отпуск? В Норвегию? Здорово! Завидую...

О мистике

Почти у всякого здравомыслящего человека есть в запасе история о каком-нибудь иррациональном событии в его жизни.

У меня товарищ в Москве – умный, ироничный, образованный человек. Мы вместе учились на физическом факультете. Заслуживает полного доверия! И он рассказал мне, что попал в тяжелейшую жизненную ситуацию, из которой сам не видел никакого выхода. Он был крещен в младенчестве, но в бога не верил и в церковь не ходил. Однажды, проходя мимо какой-то церкви, он почувствовал желание зайти внутрь и помолиться. Не зная правильных слов молитвы, он с тоской, надеждой и слезами, стоя на коленях, изложил иконе свои опасения и просьбы. По его словам, неразрешимая ситуация разрешилась как по волшебству. Привыкнув признавать критерием истины опыт, он принял православную церковь как истинную, стал соблюдать праздники и посты, и, приехав в Иерусалим, с ненарочитым благочестием посетил Святые места. Он бесконечно далек от религиозного фанатизма, а просто верит в Бога.

Вот же и Благодатный огонь нисходит именно православным в Иерусалиме в Великую субботу каждый год регулярно, начиная с XI века (когда и разделение церквей еще толком не произошло). Это реальный факт хотя бы потому, что мой племянник иногда вынужден в своей полной офицерской полицейской форме охранять порядок вокруг Храма Гроба Господня в эту субботу.

С другой стороны, Лурдская Богоматерь излечивает иногда совершенно неизлечимых католиков, о чем свидетельствуют крупнейшие онкологи и невропатологи. Да и Папская Академия наук известна своим скептицизмом по отношению к чудесам, и все исследования по этим вопросам производит с величайшей скрупулезностью. А уж такие пророки, как Мессинг, Хануссен, Ванга или Джуна – их приверженцев не меньше, чем у пророка Мухаммеда, и они не менее страстно почитают своих чудотворцев.

А я чего-то в чудеса не верю! Мне подавай причинно-следственные связи. И чтобы в системе соблюдался не только закон сохранения энергии, но, желательнее, даже и закон сохранения количества движения.

Простую телепатию, не говоря уж о телекинезе, я принимаю с большим сомнением. Такая натура. А теперь короткий печальный рассказ.

У нас случилось несчастье, и диагноз не оставлял надежды. Мы оба это хорошо понимали. В это же время с нашей маленькой внучкой начало твориться неладное и страшное. Жизнь покатила под откос.

И стали являться ко мне ближние и дальние со своими рецептами. Племянник из Силиконовой Долины настойчиво рекомендовал свекольную диету. Двоюродная сестра мужа принесла с горы Мерон две свечи, освященные и обмоленные каким-то неортодоксальным раввином, творящим чудеса даже не в рамках каббалы, а исключительно собственной индивидуальной святостью. Их полагалось возжечь у колыбели, приговаривая текст, отпечатанный на мятом листочке, который она же и принесла.

Близкий друг, проверенный годами и делами, предлагал прислать ему фотографии обоих заболевших. У него был знакомый экстрасенс, который излечивал по фотографиям. Он не брал денег. Но его следовало попросить о чуде. Таково было единственное условие. И все говорили мне: «Ты не веришь в чудеса? Тогда какая разница?! Сделай все, что предлагают, хуже ведь не будет?! А вдруг???»

Знаете, я ничего этого не сделала. Я подумала, что религиозный человек на моем месте не предал бы своей веры. А мое мировоззрение разве не дорого мне, как его ему? Ведь у меня после всего останется не так уж много – почти только одно мое «я». И хоть его-то я сохранию в целостности до конца.

Размышления на Святой Земле

В самом центре Рима на священной дороге Виа Сакра расположена Триумфальная арка Тита. Евреи под ней не проходят. Тит осадил и взял Иерусалим, ограбил, разрушил и сжег Храм и увел в плен оставшихся в живых жителей города. Они рабами прошли в его триумфе под этой аркой, а дальше веселые легионеры тащили золотую менору и эфод первосвященника, что и изображено на ее внутренней стене.

Все! Больше никогда мы под ней не пройдем! С нас довольно! Еврейские туристы Вечного города (кстати, почему вечный город Рим, коли Иерусалим старше его на триста лет?)

обходят арку, или заходят внутрь и выходят с той же стороны, что и зашли. Наши счета не закончены. Пока арка не рассыпалась в прах, а евреи не забыли, что происходят от Авраама, Исаака и Иакова, – мы под ней не пройдем!

Если быть предельно откровенными, то и в первый раз мы там не проходили, потому что арка эта построена уже после смерти Тита, а для его триумфа была сооружена временная арка на скорую руку, под которой нас и прогнали со скованными руками и склоненными головами. Но неважно! А важно ощущение вплетенности в историю, которое не оставляет нас ни на минуту. По этому поводу еще одна история.

Приехал к нам лечиться какой-то видный православный иерарх, то ли из Краснодара, то ли из Ставрополя. Человек необыкновенно доброжелательный, симпатичный и открытый. Сопровождали его два священника рангом пониже: один приехал с ним из России, а другой местный, свободно разговаривающий на иврите.

Архиерей понравился мне чрезвычайно, и поскольку программу его облучения составляла я, то охотно взялась присутствовать при его первом лечении: объяснить, перевести и вообще помочь технику установить необходимый контакт с пациентом.

Техником оказалась умная, профессиональная, религиозная и довольно стервозная молодая женщина по имени Лили.

Пациент был взволнован и испуган и крепко сжимал свой золотой епископский крест с большими драгоценными камнями. Лили сурово взглянула и сказала мне:

– Перед крестом склоняться не буду!

Мне было жалко старика, и я попыталась ее урезонить:

– Лили, голубушка! Мы же не в средневековой Испании, а у себя дома. Нас насильно в христианство не обратят. Чего нам бояться креста?

– Мы столько всего от них вынесли! – сказала она. – Перед крестом не склонюсь!

Я поняла, что уговоры бесполезны, и повернулась к священнику.

– Будьте добры, – сказала я, – оставьте крест в раздевалке! Металлические предметы... э-э... мешают облучению.

Бедняга безропотно встал, снял цепочку с шеи, поцеловал перекладину и пошлепал босиком за ширмы. Вернувшись, он сказал мне тихонько:

– У меня под майкой нательный крестик. Совсем маленький. Можно я его оставлю?

Я обернулась к Лили и сказала на иврите:

– У господина под майкой маленький крестик. Он *не мешает* лечению.

– Если не вижу – не мешает, – буркнула Лили. И священник получил первую фракцию.

Я ушла к себе в комнату и задумалась. Сама-то я не верю, что большая пустая вселенная интересуются нами. Но эти двое – оба религиозны и готовы за свою религию пойти хоть на муку. И все же архимандрит не уверен, что благословение его креста на расстоянии двух метров такое же сильное, как и когда он его касается. А Лили не надеется, что всемогущий Господь наверняка убережет ее от черного проклятия ненавистного символа.

Кто бы мог подумать!

Еще совсем недавно мне казалось, что меня трудно удивить. Вроде я знаю самые главные закономерности, двигающие нашу вселенную. Понимаю, отчего изменяются фазы луны, как действует парасимпатическая система, чего там положено говорить про электромагнитные поля и какая связь между мелкой моторикой и развитием речи у детей. Не говоря уж о том, что материя первична, а сознание, как всегда, вторично. И я закоснела в уверенности, что не знаю только деталей, а по большому счету мне все в мироздании вполне понятно. Струны там, или посттравматический синдром...

И вдруг... Вообще, я избегаю этого сюжетного хода. Однако случилось, что я познакомилась с милой женщиной, известной миру своими переводами из Катулла. И от нее узнала совершенно новое. Оказалось, люди не рождаются одинаковыми и тем более равными. Совершенно невозможно создать лицей, в котором из всех детей воспитают лидеров нации, как предполагал Александр I. У каждого человека (даже новорожденного) есть набор из четырех свойств, который он пронесет неизменными в своих соотношениях от младенчества до смерти. Условно на русском языке эти свойства называются «физикой», «логикой», «эмоцией» и «волей». Они и в самом деле имеют некоторое отношение к бытовому значению этих слов. Есть тесты, которые позволяют квалифицированному специалисту определить для любого, в какой последовательности идут у него эти атрибуты.

Например, тот, кого судьба наделила Четвертой Волей, никогда не сможет и не захочет быть лидером не только нации, но даже загребным в академической восьмерке. Владелец Второй Эмоции со второго класса смешно пародирует учительницу и может с полной искренностью убедить вас, что белое – немножко черновато. Третья Логика заставляет человека всю жизнь сомневаться в том, что он компетентен, ставить такую компетентность выше всего остального и волноваться, когда речь заходит о диссертациях и олимпиадах. А Вторая Физика влечет учить тому, что умеет сама. Причем не обязательно в школе – в спортзале, на кухне, в армии, в походе, за рулем и в гериатрическом отделении. Всю жизнь, от первых самостоятельных шагов и до полного маразма...

Для меня это стало открытием. С помощью энтузиастов и адептов типологии я начала понемножку понимать своих близких и самое себя.

Очень трудно простить человека, который в своем высокомерии не только не слушает ваших доводов, но и не дает себе труда выдвинуть свои. Он так уверен, что знает Правду, что даже не собирается спорить о ней. Невозможно терпеть его заносчивость, если только вы не знаете, что у него Первая Логика и, значит, он и не умеет спорить, и не видит в этом никакой необходимости.

Я стала прощать Третью Эмоцию, от которой не дождешься ласкового слова. Сюси-муси ей противны, и что она там себе чувствует, так и останется непонятным тем, чья Первая Эмоция заставляет их ставить восклицательные знаки в каждом третьем предложении!

А кроме того, я обнаружила что-то смешное: есть люди, которые органически неспособны выслушать хотя бы в самых общих чертах идею, изложенную выше. Они начинают ее яростно критиковать, не дослушав второго предложения. Их нельзя не только убедить, но даже ознакомить хотя бы с несколькими вводными понятиями психотипирования.

Я очень люблю их негибкую позицию. Как каждый любит, когда его драгоценную теорию подтверждают ее непримиримые противники.

Доктор Рэйбен

Лет пятнадцать тому назад замечательный американский онколог доктор Рэйбен вышел на пенсию и переехал жить в Израиль. Он был истинным сионистом и сделал бы это и раньше. Но зарплата врача-радиотерапевта в Соединенных Штатах даже суммой была больше, чем у нас, не говоря уж о том, что сумма эта исчислялась в долларах, а не в шекелях. Необходимость дать хорошее образование пятерым детям удержала его за океаном на долгие годы. Когда же все его дети сделались врачами и адвокатами, а сам он вышел на пенсию, они с женой купили дом в престижном поселке под Иерусалимом, и он предложил больнице «Хадасса» свои знания и опыт в качестве врача-онколога, работающего без зарплаты, но с полным юридическим оформлением его врачебного статуса.

Ему было чуть за семьдесят. Очень высокий, очень красивый, седовласый, с тонким умным лицом. У него был огромный клинический опыт и бездна знаний. Два дня в неделю он брал на себя основную работу и попутно обучал молодых врачей и стажеров.

Мы с Любой однажды предложили ему сделать в симуляции некое маленькое изменение. Он слушал с изумленным лицом, а потом захохотал. Выяснилось, что американские техники не предлагают врачам своих мнений: техник в симуляторе вполне равнодушно, точно и профессионально выполняет указания врача. Доктор Рэйбен никак не ожидал от нас инициатив и реагировал, как если бы заговорил годовалый младенец или собака. Он с энтузиазмом согласился на наше предложение и с этого момента признал нас – к своему удивлению и радости – людьми, а не орудиями труда. Он всегда потом охотно и подробно объяснял нам, что и почему делает, и с готовностью выслушивал наши предложения.

И нас, и врачей, и больных тянуло называть его профессором; он действительно через несколько месяцев получил из США подтверждение своего профессорского звания, но вначале оно ему не принадлежало, и однажды в некотором раздражении он сказал:

– Во время войны в Корее я был сержантом морской пехоты. Если уж вам всем так необходимо прикреплять к моему имени звание, то называйте меня «сержант Рэйбен» – это я точно заслужил!

Несмотря на то, что он совсем не говорил на иврите, а наш английский был чудовищным, мы замечательно понимали друг друга. И профессиональные указания, и блестящие остроумные и занимательные истории из его длинной прекрасной жизни.

Он рассказывал нам о брате своей матери, который во времена сухого закона пристроился к новому еврейскому ремеслу – бутлегерству. Дядя возил виски в полый дверце своего автомобиля и носил потрясающую серую шляпу «борсалино». Маленький племянник очень гордился роскошным родственником, чье ремесло было много романтичнее унылого портновства его отца.

Дети его родились в такой последовательности: пара близнецов, через год дочка, а через полтора года еще пара близнецов. Так что пятеро детей были почти сверстниками! Он с воодушевлением рассказывал нам, как однажды привел их в огромный универмаг выбирать каждому зимнее пальто. Один подошел к ближайшей вешалке, снял первое пальто своего размера и отдал матери. Второй спросил продавца, какое из них самое дешевое, молча кивнул и отошел к стене. Девочка сказала, что хочет красное, любое красное – и получила его за пять минут. Четвертый, из младшей пары близнецов, исходил весь огромный торговый зал с детскими пальто и углядел-таки себе по вкусу. А его брат-близнец, осматривавший всё вместе с ним, вернулся к родителям и сказал, что в этом магазине ничего подходящего нет! Доктор Рэйбен был в восторге от того, какие они разные, и от того, что у каждого из них есть реальная возможность поступать согласно своим склонностям.

Он был неописуемо добродушен с нами и пациентами, но холодно неуступчив с начальством и непреклонен в своих медицинских решениях. В результате на следующий год у онкологического отделения не оказалось денег сначала на оплату его поездок, а потом и на обязательную страховку.

Профессор Рэйбен был готов работать без зарплаты, но не был готов платить за право работать без зарплаты. Он был оскорблен и унижен пренебрежением начальства, и мы лишились прекрасного врача и наставника, идеалиста и остроумца.

О душевных ранах

В первом классе у меня была подруга Лидочка. Я, конечно, тоже была отличницей, но не настоящей. Я была всезнайка и торопыга. Мне всё было интересно, но по-настоящему сделать я ничего не умела – ни нарисовать красивую картинку, ни переписать из прописей четыре заданных предложения с правильными нажимами, ни даже вывести рядом две двойки, похожие друг на друга.

А Лидочка была настоящая отличница. Тетрадки ее были обернуты калькой, косички заплетены так, что на затылке образовывали прямой угол. Бантики топорщились, тогда как мои были как будто обмакнуты в кисель. Клякса сроду не посещала ее странички, и почерк был точно как у учительницы.

Я обожала ее. Мы сидели за одной партой, и я списывала с доски быстрее, чем учительница писала, а Лидочка – только то, что уже было написано, и точно так же укладывая строчки, как это делала Сима Иосифовна.

Мы непрерывно болтали на уроках. Причем только теперь я соображаю, что болтала, собственно, я. И даже, вероятно, мешала серьезному человеку усваивать учебный материал.

Кончилось тем, что нас рассадили. Сима Иосифовна пару раз предупредила нас, а когда я в очередной раз захихикала, просто велела Лиде взять портфель и пересесть за другую парту. Гром грянул среди ясного неба! Я захлебнулась в слезах. Невозможно было поверить, что безупречная Лидочка больше не принадлежит мне. Я умоляла и клялась – но изменить что-нибудь было уже невозможно.

Слезы лились до конца уроков, по дороге домой и дома до самого вечера. Я перебирала все детали трагедии. Самое ужасное было то, что Лидочка не плакала. Она немножко нахмурилась, потом пересела, куда велели, открыла «Арифметику» и начала решать пример.

Дома я рассказала, что случилось, и выслушала подобающие укоры и утешения. Но мысль о том, что завтра я вернусь в класс и вместо идеальной Лидочки сяду рядом с расхристанным пованивающим двоечником, приближенным ко мне для исправления его поведения и успеваемости, вызывала новый приступ рева, с которым я совершенно не могла справиться. Сказать по правде, поздно вечером, изнемогая от моих бессмысленных и неутешимых всхлипываний, мама отшлепала меня, присовокупив, что теперь по крайней мере у моих слез есть внятная причина. Это немножко помогло горю, но еще много дней там, где ребра закругляются и поднимаются к сердцу, у меня сидела злая кручина – что-то похожее одновременно на боль, страх, тоску, голод и сожаление.

Потом в жизни я встречалась с этим несколько раз – не так часто. Оно всегда было такое же. Опыт нисколько не помогает бороться с душевными ранами. Утраты, утраты...

Даже не минус

Математический анализ на первом курсе нам преподавал профессор Цитланидзе. Полный вальяжный человек с безупречным русским языком, облагороженным приятным грузинским акцентом.

Предмет свой он знал прекрасно, что и не удивительно. Что-то я не припоминаю на наших основных кафедрах профессоров или доцентов, которых студенты могли бы уличить в том, что они не знают в пять раз больше, чем дают в своих лекциях на младших курсах.

Цитланидзе отличался от других потрясающими дидактическими способностями. Фразы его были кратки, прозрачны и недвусмысленны. Ритм речи позволял записывать каждое слово. Рисунки и надписи на доске были фантастически совершенны. Окружности его были геометрическим местом расположения пылинок мела, совершенно равноудаленных от одной точки, которую он безошибочно выбивал, почти не глядя, последним прикосновением к доске.

Первые две недели он вдалбливал в аудиторию базовые понятия, заставляя хором повторять определения, дирижируя плавными движениями руки, показывающей то на один, то на другой элемент формулы, каллиграфически выведенной на доске. До сих пор помню круглое перемещение пальца, указующего на стрелочку при словах «Когда приращение... стремится к нулю!»

Чтобы усвоить курс первого семестра в его изложении, достаточно было иметь коэффициент интеллекта чуть больше сорока пяти.

Со временем он стал на лекциях иногда рассказывать нам и о посторонних предметах. Чудесный рассказ касался его доклада в Сорбонне, куда он был приглашен на какую-то конференцию. Уровень математики в Сорбонне ему очень понравился. И в особенности оттого, что его работа была понята и удостоилась некоторой похвалы. Тем не менее, у него были и критические замечания. В Грузии такого не говорили в присутствии прекрасной половины аудитории, но мальчикам в приватной беседе он пересказал некоторые свои приключения в знаменитом университете, завершив описание фразой, ставшей классической для последующих поколений студентов: «Профэссору математике поссать негде!»

Однажды лекцию вместо него читал всеми любимый, веселый и близкий к студентам доцент Курчишвили. Некоторое время он давал новый материал, а потом вдруг решил проверить, как он усваивается. И с этой целью вызвал к доске студента, чтобы тот разложил простенькую функцию в незамысловатый ряд.

Гурам упирался и отказывался. Аудитория хихикала и подначивала. Доцент уговаривал и склонял его выйти к доске. Напирал на то, что такой умный и подготовленный студент, конечно, справится с таким легким заданием. Тем более что вся аудитория и Курчишвили лично будут ему всемерно помогать.

Сломленный Гурам вышел к доске, взял мел, написал функцию, знак равенства, и, отчаянно рискуя, вывел единицу. Взрыв восторга поразил преподавателя.

– Правильно! – вскричал он. – Совершенно верно! Я же говорил, что ты все прекрасно знаешь!

Аудитория аплодировала.

Студент подумал и написал «минус».

– Опять правильно! – воскликнул Курчишвили. – Даже не минус, а плюс!

Аудитория хохотала и корчилась. Из слов преподавателя явно следовало, что минус – прекрасное продолжение, много лучше, чем тривиальный правильный плюс...

Мы любили тогда и его, и высшую математику, и друг друга. Шел 1969 год...

Крокодил по имени...

Прошлым летом я неделю гостила у близких друзей. Они живут недалеко от Тбилиси в огромной старой запущенной даче. Когда-то эту дачу грузинское правительство с поклоном поднесло деду моей подруги. Он был выдающимся математиком и президентом Академии Наук. Николай Иванович летом поднимался из города на свою дачу, не выходя из задумчивости и не очень интересуясь географическим расположением своего кабинета и полка с книгами, расплзшимися по всему дому.

Через несколько лет напротив дачи, метрах в трехстах, построили ресторан. Еще прежде, чем он открылся в первый раз, директор ресторана был вызван в трест общепита, и начальник треста сурово сказал ему: «Слушай, Тенгиз! Напротив твоего ресторана живет великий человек. Он думает! Смотри, чтобы не было никакого шума! Не дай Бог, ему помешаешь! Один раз узнаю, что у вас шумели – завтра закрою к чертовой матери и на этом месте открою библиотеку!»

И вот я снова живу там тридцать лет спустя. Мой друг Гурам за эти годы окончательно порвал с нелюбимой им физикой и стал признанным профессионалом в зоологии.

Он заведует целым отделом в зоопарке, и под его покровительством находятся змеи, рыбки, жабы, ящерицы и два серьезных крокодила. Герпетологи из Австралии и Южной Америки звонят ему посоветоваться. Он лечит и оперирует своих животных, хотя так и не получил другого официального диплома, кроме того, который сообщает, что он специалист в физике твердого тела.

В самый день моего приезда в Тбилиси начался дождь. К вечеру дача была полузатоплена, а утром выяснилось, что ливень вызвал страшный сель, который скатился с окрестных гор и рухнул на Тбилиси, разрушив дома, сокрушив и затопив большую часть зоопарка и породив ужасные несчастья, погубившие множество людей и животных.

Герпетарий моего друга, однако, был построен на холме и не пострадал. А вот крокодилы величественно всплыли в своих бассейнах, разросшихся до размеров хорошего озера, и вольно разгуливали где придется...

Всю неделю я слушала рассказы очевидцев о настоящем, не книжном, отчаянном и безрассудном поведении знакомых людей, пытающихся спасти, что возможно.

Гурам очень волновался о своих крокодилах, и вокруг их поимки шли бесконечные телефонные переговоры. И наконец любимую молодую крокодилицу удалось водворить в вольер. Тут я узнала приятную подробность: ее звали Нелли. Гурам наделил ее моим именем, вероятно, в знак симпатии ко мне. Тем более что он расхваливал ее ум и характер. Хотя Нелли в свое время его тяжело покусала, так что его нога была в опасности, – он объяснял мне, что она интеллигентна и дружелюбна. Видимо, этим и напоминает меня...

Инженеры

Их было трое, сотрудников Грузинского Института энергетики, тесно приятельствующих между собой. Первый – мой муж Лева, только что защитившийся и уже получивший должность старшего научного сотрудника.

Второй – Гаррик, его шеф. Человек необыкновенной физической и психической подвижности. Пролетая по жизни, он оставлял за собой шлейф из мелких услуг и крупных одолжений. Менял в лучшую сторону судьбы приближенных, отчаянно комбинируя несколько человек, каждый из которых оставался в выигрыше. Например, обнаружил у десятилетнего сына замдиректора замечательный слух и способности к флейте. Свел его со своей любимой пожилой учительницей музыки, оставшейся без работы. Пока мальчик и старушка наслаждались обществом друг друга, достал путевку и отправил их на месяц в пансионат Авадхара, где они занимались музыкой, гуляли в альпийских лугах, и ребенок попутно с восторгом обучался итальянскому языку. А тем временем родители устроили себе медовый месяц и сохранили свой брак, который дал опасную трещину.

Так же играючи он находил гранты и темы, которые позволяли платить зарплату достойным людям, двигавшим вперед инженерные науки, и нескольким шлимазлам, которым «тоже надо жить».

Третьим другом был Темури – неторопливый сорокалетний грузин, носивший элегантные пиджаки и дорогие туфли. Он был бонвиваном и интеллектуалом. Приходил на работу не прежде, чем завершал завтрак. Булочки были тёплыми, масло не слишком мягким. Красная икра хорошего засола. Пупырчатые огурчики из Чопорти. Помидоры упругие и алые. Яйца на омлет – от знакомых кур с хорошей репутацией. Только после этого наступало время энергетики и гидротехнических сооружений.

Эти трое прекрасно ладили и никогда не бывали недовольны друг другом.

В поисках нового проекта Гаррик обратил взоры к строящейся в верховьях Ингури Худонской арочной плотине. Она многие годы кормила инженерную науку по всей Грузии, не забывая и о московских товарищах. Речь шла о моделировании одного из водосбросов. Дело было интересное и даже, может быть, практически полезное для строительства.

Главный инженер Худонской ГЭС, Нугзар, был им уже хорошо знаком. Он приезжал в Тбилиси и бывал принимаем у Гаррика по всем тонким законам закавказского гостеприимства. Разумеется, он охотно пригласил всех троих приехать в Худони, осмотреть сооружение на месте и тут же договориться о технических и финансовых подробностях работы. Поездка предстояла приятная и интересная: чудесная природа, доброжелательные хозяева, огромная плотина, вкусная еда, отличное вино – чего еще может желать инженер-гидравлик?

Принимали их по первому разряду. После обзорной экскурсии Нугзар позвал к себе домой. Стол был накрыт со всей тщательностью. Разнообразие угощений указывало на то, что визиту придается самое серьезное значение. Хотя пирующих было только четверо, такую трапезу не стыдно было бы предложить и тридцати приглашенным на банкет или свадьбу.

Жена Нугзара не присела к столу – не женское дело участвовать в чисто мужском застолье. Но и не вышла из комнаты. Стояла у дверей, сложив руки на животе, и внимательно следила за происходящим. Один раз муж мановением брови указал ей на беспорядок. Она виновато вскинулась, убежала на кухню и вернулась с солонкой. Потом она меняла тарелки, приносила горячее, подавала десерт и смущенно слушала пышные похвалы гостей своему кулинарному искусству и проворству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.